

ТЭФФИ

Надежда Тэффи

Время

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=661325

Аннотация

«Ресторан посещался столько же иностранцами, сколько русскими. И часто видно было, как какой-нибудь француз или англичанин, уже, видимо, побывавший в этом заведении, приводил с собой друзей и с выражением лица фокусника, глотающего горящую паклю, опрокидывал в рот первую рюмку водки и, выпучив глаза, затыкал ее в горле пирожком. Приятели смотрели на него, как на отважного чудака, и, недоверчиво улыбаясь, нюхали свои рюмки...»

Надежда Тэффи

Время

Это был отличный ресторан с шашлыками, пельменями, поросенком, осетриной и художественной программой. Художественная программа не ограничивалась одними русскими номерами – «Лапоточками», да «Бубличками», да «Очами черными». Среди исполнителей были негритянки, и мексиканки, и испанцы, и джентльмены неопределенно-джазовского племени, певшие на всех языках малопонятные носовые слова, пошевеливая бедрами. Даже заведомо русские артисты, перекрестившись за кулисами, пели «на бис» по-французски и по-английски.

Танцевальные номера, позволявшие артистам не обнаруживать своей национальности, исполнялись дамами с самыми сверхъестественными именами: Такуза Иука, Рутуф Яй-йя, Экама Юя.

Были среди них смуглые, почти черные, экзотические женщины с длинными зелеными глазами. Были и розово-золотые блондинки, и огненно-рыжие с коричневой кожей. Почти все они, вплоть до мулаток, были, конечно, русскими. С нашими талантами даже этого нетрудно достигнуть. «Сестра наша бедность» и не тому научит.

Обстановка ресторана была шикарная. Именно это слово определяло ее лучше всего. Не роскошная, не пышная, не

изысканная, а именно шикарная.

Цветные абажурчики, фонтанчики, вделанные в стены зеленые аквариумы с золотыми рыбками, ковры, потолок, расписанный непонятными штуками, среди которых угадывались то выпученный глаз, то задранная нога, то ананас, то кусок носа с прилипшим к нему моноклем, то рачий хвост. Сидящим за столиками казалось, что все это валится им на голову, но, кажется, именно в этом и состояло задание художника.

Прислуга была вежливая, не говорила запоздавшим гостям:

– Обождите. Чего же переть, когда местов нету. Здесь не трамвай.

Ресторан посещался столько же иностранцами, сколько русскими. И часто видно было, как какой-нибудь француз или англичанин, уже, видимо, побывавший в этом заведении, приводил с собой друзей и с выражением лица фокусника, глотающего горящую паклю, опрокидывал в рот первую рюмку водки и, выпучив глаза, затыкал ее в горле пирожком. Приятели смотрели на него, как на отважного чудака, и, недоверчиво улыбаясь, нюхали свои рюмки.

Французы любят заказывать пирожки. Их почему-то веселит это слово, которое они выговаривают с ударением на «о». Это очень странно и необъяснимо. Во всех русских словах французы делают ударение, по свойству своего языка, на последнем слоге. Во всех, кроме слова «пирожки».

За столиком сидели Вава фон Мерзен, Муся Ривен и Гогося Ливенский. Гогося был из высшего круга, хотя и дальней периферии, поэтому, несмотря на свои шестьдесят пять лет, продолжал отзываться на кличку Гогося.

Вава фон Мерзен, тоже давно выросшая в пожилую Варвару, в мелко завитых сухих буколькох табачного цвета, так основательно прокуренных, что если их срезать и мелко порубить, то можно было бы набить ими трубку какого-нибудь невзыскательного шкипера дальнего плавания.

Муся Ривен была молоденькая, только что в первый раз разведенная деточка, грустная, сентиментальная и нежная, что не мешало ей хлопать водку рюмка за рюмкой безрезультатно и незаметно ни для нее, ни для других.

Гогося был очаровательным собеседником. Он знал всех и обо всех говорил громко и много, изредка, в рискованных местах своей речи, переходя по русской привычке на французский язык, отчасти для того, чтоб «слуги не поняли», отчасти потому, что французское неприличие пикантно, а русское оскорбляет слух.

Гогося знал, в каком ресторане что именно надо заказывать, здоровался за руку со всеми метрдотелями, знал, как зовут повара, и помнил, что, где и когда съел.

Удачным номерам программы громко аплодировал и кри-

чал барским баском:

– Спасибо, братец!

Или:

– Молодец, девчоночка!

Многих посетителей он знал, делал им приветственный жест, иногда гудел на весь зал:

– Comment ça va? Анна Петровна en bonne same¹?

Словом, был чудесным клиентом, заполнявшим одной своей персоной зал на три четверти.

Напротив них, у другой стены, заняла столик интересная компания. Три дамы. Все трое более чем пожилые. Попросту говоря – старухи.

Дирижировала всем делом небольшая, плотная, с головой, ввинченной прямо в бюст, без всякого намека на шею. Крупная бриллиантовая брошка упиралась в двойной подбородок. Седые, отлично причесанные волосы были прикрыты кокетливой черной шляпкой, щеки подпудрены розовой пудрой, очень скромно подрумяненный рот обнажал голубовато-фарфоровые зубки. Великолепная серебряная лишица пушилась выше ушей. Старуха была очень элегантна.

Две другие были малоинтересны и, видимо, были нарядной старухой приглашены.

Выбирала она и вино и блюда очень тщательно, причем и приглашенные, очевидно, губа не дура, резко высказывали свое мнение и защищали позиции. За еду принялись дружно,

---

¹ Как поживаете? <...> в добром здравии? (фр.)

с огнем настоящего темперамента. Пили толково и сосредоточенно. Быстро покраснелись. Главная старуха вся налилась, даже чуть-чуть посинела, и глаза у нее выпучились и постекленели. Но все трое были в радостно-возбужденном настроении, как негры, только что освежавшие слона, когда радость требует продолжения пляски, а сытость валит на землю.

– Забавные старухи! – сказала Вава фон Мерзен, направив на веселую компанию свой лорнет.

– Да, – восторженно подхватил Гогося. – Счастливый возраст. Им уже не нужно сохранять линию, не нужно кого-то завоевывать, кому-то нравиться. При наличии денег и хорошего желудка это самый счастливый возраст. И самый беспечный. Больше уже не надо строить свою жизнь. Все готово.

– Посмотрите на эту, на главную, – сказала Муся Ривен, презрительно опустив уголки рта. – Прямо какая-то развеселая корова. Так и вижу, какая она была всю жизнь.

– Наверно, пожито отлично, – одобрительно сказал Гогося. – Живи и жить давай другим. Веселая, здоровая, богатая. Может быть, даже была недурна собой. Сейчас судить, конечно, трудно. Комок розового жира.

– Думаю, что была скупа, жадна и глупа, – вставила Вава фон Мерзен. – Смотрите, как она ест, как пьет, чувственное животное.

– А все-таки кто-то ее, наверное, любил и даже женился на ней, – мечтательно протянула Муся Ривен.

– Просто женился кто-нибудь из-за денег. Ты всегда предполагаешь романтику, которой в жизни не бывает. Беседу прервал Тюля Ровцын. Он был из той же периферии круга, что и Гогося, поэтому и сохранил до шестидесяти трех лет имя Тюли. Тюля тоже был мил и приятен, но беднее Гогоси и весь минорнее. Поболтав несколько минут, встал, огляделся и подошел к веселым старухам. Те обрадовались ему как старому знакомому и усадили его за свой стол.

Между тем программа шла своим чередом.

На эстраду вышел молодой человек, облизнулся, как кот, поевший курятинки, и под завывание и перебойное звяканье джаза исполнил каким-то умоляюще-бабьим воркованием английскую песенку. Слова песенки были сентиментальны и даже грустны, мотив однообразно уныл. Но джаз делал свое дело, не вникая в эти детали. И получалось, будто печальный господин плаксиво рассказывает о своих любовных неудачах, а какой-то сумасшедший разнузданно скачет, ревет, свистит и бьет плаксивого господина медным подносом по голове.

Потом под ту же музыку проплясали две испанки. Одна из них взвизгнула, убегая, что очень подняло настроение публики. Потом вышел русский певец с французской фамилией. Спел сначала французский романс, потом «на бис» – старый русский:

Твой кроткий раб, я встану на колени.

Я не борюсь с губительной судьбой,
Я на позор, на горечь унижений —
На все пойду за счастье быть с тобой.

– Слушайте! Слушайте! – вдруг насторожился Гогося. –
Ах, сколько воспоминаний! Какая ужасная трагедия связана
с этим романсом... Бедный Коля Изубов... Мария Николае-
вна Рутте... граф...

Когда мой взор твои глаза встречает,
Я весь мучительным восторгом обуян, —

томно выводил певец.

– Я всех их знал, – вспоминал Гогося. – Это романс Коли
Изубова. Прелестная музыка. Он был очень талантлив. Мо-
рячок...

...Так благостные звезды отражает
Бушующий бездонный океан... —

продолжал певец.

– Какая она была очаровательная! И Коля, и граф были
в нее влюблены, как сумасшедшие. И Коля вызвал графа на
дуэль. Граф его и убил. Муж Марии Николаевны был тогда
на Кавказе. Возвращается, а тут этот скандал, и Мария Ни-
колаевна ухаживает за умирающим Колей. Граф, видя, что
Мария Николаевна все время при Коле, пускает себе пулю в

люб, оставя ей предсмертное письмо, что он знал о ее любви к Коле. Письмо, конечно, попадает в руки мужа, и тот требует развода. Мария Николаевна страстно его любит и буквально ни в чем не виновата. Но Рутте ей не верит, берет назначение на Дальний Восток и бросает ее одну. Она в отчаянии, страдает безумно, хочет идти в монастырь. Через шесть лет муж вызывает ее к себе в Шанхай. Она летит туда возрожденная. Застает его умирающим. Прожили вместе только два месяца. Все понял, все время любил ее одну и мучился. Вообще это такая трагедия, что прямо удивляешься, как эта маленькая женщина смогла все это пережить. Тут я ее потерял из виду. Слышал только, что она вышла замуж и ее муж был убит на войне. Она, кажется, тоже погибла. Убита во время революции. Вот Тюля хорошо ее знал, даже страдал в свое время.

Бушу-у-ющий бездонный океан...

– Замечательная женщина! Таких теперь не бывает.

Вава фон Мерзен и Муся Ривен обиженно молчали.

– Интересные женщины бывают во всякую эпоху, – процедила наконец Вава фон Мерзен.

Но Гогося только насмешливо и добродушно похлопал ее по руке.

– Посмотрите, – сказала Муся, – ваш приятель говорит про вас со своими старухами.

Действительно, и Тюля, и его дамы смотрели прямо на Го-

госю. Тюля встал и подошел к приятелю, а главная старуха кивала головой.

– Гогося! – сказал Тюля. – Мария Николаевна, оказывается, отлично тебя помнит. Я ей назвал твое имя, и она сразу вспомнила и очень рада тебя видеть.

– Какая Мария Николаевна? – опешил Гогося.

– Нелогина. Ну, бывшая Рутте. Неужто забыл?

– Господи! – всколыхнулся Гогося. – Ведь только что о ней говорили!.. Да где же она?

– Идем к ней на минутку, – торопил Тюля. – Твои милые дамы простят.

Гогося вскочил, удивленно озираясь.

– Да где же она?

– Да вон, я сейчас с ней сидел... Веду, веду! – закричал он.

И главная старуха закивала головой и, весело раздвинув крепкие толстые щеки подмазанным ртом, приветливо блеснула ровным рядом голубых фарфоровых зубов.